

**МОНАСТЫРСКИЙ
ЮРИЙ ЭДУАРДОВИЧ**

основатель
Коллегии адвокатов
«Монастырский, Зюба,
Степанов & Партнеры»,
соучредитель
Фонда благодарных
выпускников
международно-
правового факультета
МГИМО, кандидат
юридических наук

РОЛЬ ВИНЫ КРЕДИТОРА В УСТАНОВЛЕНИИ ОБЪЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НЕПРЕДВИДИМОСТИ УБЫТКОВ

Автор рассуждает о значении института вины кредитора, нашедшего закрепление в ст. 404 ГК РФ. Несмотря на активное ориентирование государственных судов и третейских трибуналов на так называемую смешанную вину при обосновании снижения заявленного размера убытков, в доктрине эта тема звучит незаслуженно редко. После капитального труда видного российского юриста Т.М. Яблочкова 1911 г. в дореволюционный и советский периоды этой теме посвящалось совсем немного работ. Да и в наше время публикации, затрагивающие вину кредитора, можно пересчитать по пальцам. При этом данная проблема имеет фундаментальное значение для действенности исков о взыскании убытков, обоснования их разумной предвидимости.

Ключевые слова: вина кредитора, убытки, гражданско-правовая ответственность, предвидимость

1. Введение

Понятие «вина кредитора» отчасти содержит в себе смысловой парадокс, как будто бы носитель субъективного права, защищаемого по суду и не только, может сам в существенном смысле нести ответственность, раз он проявил умысел либо неосторожность. Эта категория лежит в основе правового механизма снижения убытков.

Во времена расцвета российско-германской дружбы до Первой мировой войны к проблеме вины кредитора обратился известный отечественный правовед проф. Т.М. Яблочков, который в 1910–1913 гг. работал в старейшем германском — Гейдельбергском — университете и в швейцарских — Базельском, Баденском и Женевском, а также в Париже и Берлине. На основе накопленного материала ученый написал докторскую диссертацию и выпустил двухтомник «Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков»¹. С точки зрения дореволюционно-

¹ Т. 1. Ярославль, 1910; Т. 2. Ярославль, 1911.

YURI E. MONASTYRSKY

Founding Partner of
"Monastyrsky, Zyuba,
Stepanov & Partners",
Co-founder of "The Grateful
Alumni Fund of International
Law Faculty of MGIMO",
PhD in Law

ROLE OF CREDITOR'S FAULT IN CREATION OF SCOPE OF LIABILITY AND UNFORESEEABILITY OF LOSSES

The author deals with the significance of creditor's fault institute incorporated in art. 404 of the Civil Code of the Russian Federation. Notwithstanding the active orientation of national courts and arbitration tribunals to so-called guilt collision to justify reducing the claimed losses, this issue is unjustly rarely covered in the doctrine. According to the author, after a fundamental work by the eminent Russian lawyer T.M. Yablochkov dated 1911 this subject was analysed twice in 1940s academic publications during the entire Soviet period. Contemporary publications concerning the significance of creditor's fault can be counted on one hand. However, the specified problem is of fundamental importance to the effectiveness of claims to recover losses, to justify their reasonable foreseeability.

Keywords: creditor's fault, losses, civil liability, foreseeability

го юриста, «вина есть сложное понятие; оно охватывает объективный момент: уклонение от образцовой линии поведения, и субъективный момент: неизвиняемость деяния соответствующими обстоятельствами (неизвинительное заблуждение)»². Со времени создания фундаментального труда Т.М. Яблочкова, в советский период, больших исследований на эту тему не появлялось³, хотя ряд авторитетных правоведов затрагивали ее в работах, посвященных ответственности⁴.

Институт вины кредитора эволюционировал с увеличением масштаба и сложности имущественного оборота. Ранее, причем не только в нашей стране, но и в других юрисдикциях, умысел истца либо его небрежность давали повод отказать в привлечении должника к ответственности. Соответствующая норма существовала в ГК РСФСР 1922 г. (ст. 118) и подвергалась критике еще в середине XX в. видными отечественными цивилистами М.М. Агарковым и Б.С. Антимоновым,

² Яблочков Т.М. Указ. соч. Т. 1. С. 394.

³ Исключение составляет работа М.Н. Львовой (Львова М.Н. Вина кредитора при нарушении обязательств между социалистическими организациями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971).

⁴ См., напр.: Агарков М.М. Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда // Советское государство и пра-

во. 1940. № 3. С. 70–79; Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 49–57; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 317; Рясенцев В.А. Некоторые вопросы общей части обязательственного права в судебной практике // Социалистическая законность. 1951. № 10. С. 36.

которые говорили о том, что тем самым нарушитель социалистической законности получал индульгенцию от собственных предосудительных действий⁵.

В последнее время к тематике вины кредитора обращались лишь немногие авторы: проф. О.Н. Садилов⁶, В.В. Байбак⁷, а также проф. А.Г. Карапетов⁸. Гораздо раньше, еще до последней реформы гражданского законодательства, о ней писал М.И. Слюсаренко⁹. Другие ученые, рассматривая вопросы убытков и ответственности, упоминают важность учета вины кредитора лишь мимоходом и вкратце. В связи с этим уместно говорить об отсутствии плодотворной научной полемики по данному вопросу.

Конечно, едва ли можно говорить о регулятивной роли института возмещения убытков без обращения к вопросу о том, способствовал ли возникновению ущерба сам потерпевший.

В ГК РФ по общему правилу деликвента освобождает от ответственности лишь умысел истца (п. 1 ст. 1083) и грубая неосторожность при вреде без вины от источника повышенной опасности, если не затронута жизнь и здоровье. В общем случае неосторожности истребуемое присуждение уменьшается. Вместе с тем в ст. 404 Кодекса проводится более дифференцированный подход: разграничиваются (1) содействие неисполнению обязательства и, соответственно, возникновению убытков, (2) умышленное либо неосторожное содействие увеличению наступивших в результате неисполнения утрат, а также (3) непринятие мер к их снижению кредитором. В первом варианте суд «соответственно уменьшает размер ответственности должника» исходя из ее пропорционального распределения в зависимости от установленной формы вины сторон (по аналогии с возмещением вреда в ст. 1083 ГК). В остальных ситуациях он лишь вправе прибегнуть к варьированию величины требования, основываясь

на оценке того, какая часть наступивших убытков явилась следствием упречного поведения кредитора.

Формулировка ст. 404 ГК РФ дает повод говорить о необязательности наличия в последних двух случаях вины кредитора как условия снижения масштаба ответственности. И мы сталкиваемся с неприятными эпизодами, когда убытки не возмещаются, поскольку не доказано принятие уменьшающих их мер. При безвиновном невыполнении своей части обязательств, когда последствия казуса возложены не на того, кто от него потерпел, ответственность также сокращается, если кредитор проявил вину.

Несомненно, вина кредитора относится к неисполнению; однако представляется, что под данное понятие подпадает и непринятие соответствующих мер — вопреки традиционному подчинению такого поведения институту недобросовестности. Между тем «злоупотребление» истца — без разработки соответствующей категории в российской правовой доктрине — часто неоправданно используется как инструмент для снижения сумм, заявленных в требовании.

2. Самопричинение ущерба

Есть масса случаев *самопричинения* ущерба, который изначально находится вне пределов правового регулирования. Законодательством не охватываются вопросы о повреждении собственного имущества, самоповреждении или, например, гибели незастрахованного дома от удара молнии. Любая убыль в имуществе, связанная просто-напросто с пассивностью его собственника, вообще не учитывается. Субъект сам по неосторожности наносит вред себе или своим вещам. Совершил ли он небрежное или умышленное действие? В реальной жизни это никого не интересует, а потому так вопрос не ставится. Автолюбитель въезжает в столб. В гражданско-правовом смысле безразлично, был ли он виновен, сделал ли это со злости, проявил ли небрежность или потерял управление машиной из-за гололеда. Такие особенности приобретают определенное значение лишь в случае административно-правового разбирательства. А вот в ситуации дорожно-транспортного происшествия при причинении вреда друг другу собственная вина, конечно, играет важную роль, поскольку она побуждает отойти от принципа ст. 15 ГК РФ, предполагающего возмещение убытков в

⁵ См.: *Агарков М.М.* Указ. соч.; *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950.

⁶ См.: *Садилов О.Н.* Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009.

⁷ См.: *Байбак В.В.* Уменьшение убытков при нарушении договора (*mitigation*) // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7. С. 65–80.

⁸ См.: *Карапетов А.Г.* Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М., 2011.

⁹ *Слюсаренко М.* О понятии наличия вины кредитора и должника в обязательстве в гражданском праве // Юрист. 2001. № 6; СПС «КонсультантПлюс».

полном объеме. Никто бы не поспорил, что здесь необходимо учитывать так называемый окрас тех действий потерпевшего, которыми усугублен ущерб.

|| Полагаем, что законодательно никогда не позволено отходить от критерия вины в контексте самопричинения вреда (ст. 404 ГК РФ).

В договорах это важно в еще большей мере. В ходе исполнения и принятия результатов работ более чем вероятно вред себе, за который никто не отвечает. Но в случае наступления ответственности другого лица возникает любопытный правовой феномен: вина, проявленная не по отношению к людям и юридическим лицам, а применительно к имуществу, притом к собственному.

3. Понятие смешанной вины

В своем фундаментальном труде Т.М. Яблочков предложил термин «самовина». Он писал: «Если потерпевший не даст предостережения противнику, не укажет ему на опасность возникновения необычайно высокого размера убытков, — его пассивное поведение может рассматриваться как *сопричина* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Ю.М.) наступившего убытка... И она погашает вину на стороне деликвента»¹⁰. Речь шла о бездействии потерпевшего, который мог бы переубедить причинителя¹¹.

Впрочем, обозначение «самовина» не прижилось, может быть, в силу неблагозвучности. Больше распространение получило понятие «смешанная вина». М. Слюсаренко говорит, что посредством этой нормы современный Кодекс, вслед за ГК РСФСР 1964 г., «установил правило о принципе смешанной вины в обязательстве»¹². Но это более радующее слух название некорректно и вводит в заблуждение. Такая ситуация в коммерческом обороте, когда должник отвечает независимо от проявленной им небрежности при исполнении обязательств, включая недоговорные, позволяет говорить не о смешанной вине, а лишь об умысле, неосторожности кредитора. Это наиболее ча-

стый случай применения ст. 404 ГК РФ. Наименование «смешанная вина» здесь не подходит. С точки зрения доктрины это явная правовая фикция. Вместе с тем к ней всегда обращаются, когда нет возможности дать иное объяснение правовому явлению. Когда предприниматель не исполняет договор по причине сбоев в транспортном сообщении, то убытки другой стороны — истца могут быть уменьшены из-за его небрежности. Это трактуется в нашей теории как совместная вина, хотя имеется в виду только неосмотрительность кредитора-потерпевшего. Другая сторона, предприниматель-причинитель, отвечает за риск. Исходя из этого *такой термин дореволюционной цивилистики, как «самовина», оказывается более точным и адекватным.*

4. Вина кредитора как критерий уменьшения убытков

В начале прошлого века Т.М. Яблочков задавался вопросом: «Может ли самовина потерпевшего *ослабить интенсивность вины деликвента* и этим путем снизить его ответственность?»¹³ Ученый пришел к выводу: «...в том случае, когда поведение потерпевшего влияет на *субъективный* состав вины, справедливо понизить ответственность деликвента»¹⁴. Тем не менее он выступал против слишком строгих требований к потерпевшему. Ведь необходимость находиться настороже препятствует реализации свободы действий, и такие ограничения должны быть оправданы высокой степенью возможности наступления вреда (подробнее о непредвидимости см. далее). И действительно, вызывает сомнения, что кредитор связан обязанностью предпринимать любые, даже экстраординарные, действия для уменьшения потерь, в том числе до их возникновения, с целью упреждения. Т.М. Яблочков по этому поводу говорил: «Обязанность предотвратить убыток предполагает наличие непосредственного вреда. Лишь тот убыток может быть предотвращен, фактические условия которого уже наступили»¹⁵, т.е. который, по сути, неминуем. Надо отметить, что, по мнению этого ученого, во всех случаях упущения возможности предупредить потери (или принять меры к их предотвращению) либо «увеличения объема» утрат весь вред, состоящий в каузальной связи с деятельностью потерпевшего, должен быть

¹⁰ Яблочков Т.М. Указ. соч. Т. 1. С. 386–387.

¹¹ Цитильман назвал это *psychische Verursachung durch Unterlassen der Setzung eines Gegenmotives* («психическое причинение путем воздержания от установления противоположного мотива») (цит. по: Яблочков Т.М. Указ. соч. Т. 1. С. 386).

¹² Слюсаренко М. Указ. соч.

¹³ Яблочков Т.М. Указ. соч. Т. 1. С. 393.

¹⁴ Там же. С. 397.

¹⁵ Там же. С. 404.

возложен на него. При этом, по мнению Т.М. Яблочкова, не следует увлекаться сравнением взаимной вины, сопоставляя ее интенсивность у потерпевшего и у ответчика. В большей мере нужно опираться на каузальную связь поведения и того и другого с убытками.

Градации виновных действий, разделение мягкой либо грубой неосторожности и умысла, когда речь идет об общих основаниях ответственности, имеет большое значение для регулирования. В ряде особых отношений (перевозка, безвозмездное хранение и пр.) возникает ответственность только за грубую неосторожность либо за умысел. В этих ситуациях самовина при действии либо бездействии при ущербе — важнейшее мерило при уменьшении ответственности. Логичным следствием умысла в бездействии при ликвидации убытков, скажем при намеренном перекрытии поврежденного трубопровода, приведшем к продолжительным утечкам нефти, газа и т.д. (в XX в. юристы много писали о вине, вытекающей из открытых кранов в бочках¹⁶), является почти полное освобождение ответчика от возмещения. В то же время легкая небрежность дает право лишь на небольшое сокращение размера компенсируемого ущерба.

Таким образом, должно исследоваться не только субъективное отношение сторон к небрежности и ее последствиям, но и объективные факты: поступил ли кредитор как добропорядочный хозяин или им были приняты не все возможные меры? Но в ст. 404 ГК РФ вина кредитора должна иметь не только гражданско-правовой, но и общий юридический смысл. Кредитор, оказавшись, например, вором, нарушителем правил уличного движения или находясь в состоянии алкогольного опьянения, совсем не вправе претендовать на полное возмещение при причинении ему убытков, хотя имущественных коммерческих обязанностей он не нарушал и длящийся вред не усугублял.

В современном российском праве, с изъятием самоделикта и ущерба вследствие грубой неосторожности от источника повышенной опасности, должна окончательно утвердиться концепция уменьшения размера ответственности только в случае вины, содействия наступлению ущерба и непринятия мер по снижению, если он возник.

Данному правовому положению нужно придавать огромное значение при разбирательствах по искам об убытках. Любопытна расхожая интерпретация такого снижения вреда. Она восходит к принципу добропорядочности, которая должна быть свойственна участникам оборота. Ведь, говоря словами Т.М. Яблочкова, чем «больше лицо уклоняется от поведения *bonus p.f.*, тем большую опасность оно порождает для гражданского оборота, т.е. всех третьих лиц, соприкасающихся с его деятельностью»¹⁷. Одним из проявлений принципа справедливости является запрет нечестного, недобросовестного и неразумного поведения. Вместе с тем в Модельных правилах европейского частного права в качестве примера его нарушения приводится как раз бездействие кредитора, не предпринимающего доступных ему разумных действий по снижению потерь¹⁸.

Но суды при уменьшении убытков обычно преследуют в первую очередь другую цель: лишить спорящих заявителей стимула заниматься сутяжничеством, зарабатывая на судебных процессах; создавать ситуации неисполнения обязательств и увеличения убытков с расчетом, что на этом истец сможет нажиться, поскольку, как бы ни были велики имущественные потери, потерпевший получит эквивалент в деньгах, а это всегда, особенно при динамичном имущественном обороте, предпочтительней.

При рассмотрении столь важного института, как возмещение убытков, основанного на наиболее универсальном проявлении добросовестности, возникает ряд принципиальных вопросов: 1) являются ли случаи непринятия мер, смешанной вины, содействия урону разными составами правонарушения или речь идет об одном явлении? 2) считать ли уменьшение собственных убытков обязательством кредитора или только законным условием их исчисления? 3) допустимо ли хотя бы в определенных случаях рассматривать пассивность истца как разновидность причинной связи — элемента состава правонарушения, без которого ответственность не наступает? 4) наконец, может ли одна такая каузальность стать основанием для умень-

¹⁶ См., напр.: Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков, 1928. С. 152.

¹⁷ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 431.

¹⁸ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Munich, 2009. P. 86.

шения убытков, если ее определяют как необходимое предварительное условие их возмещения?

При ответе на первый вопрос представляется оптимальным руководствоваться ст. 404 ГК РФ под красноречивым названием «Вина кредитора». Помимо неосторожности в ней говорится об умысле. Но это не действие, не нарушение и не неправомерность, а всего-навсего правовая оценка. В юридическом контексте правильнее говорить «виновность поведения», чем «вина». Данное понятие выступает обобщением любых субъективных проявлений в праве, приведших к неблагоприятным последствиям (заключение противозаконного договора, неисполнение работ вовремя, проявление небрежности в контроле над управляемой компанией и т.д.). Напрашивается вывод, что в названной статье речь идет о запрете усугублять собственные убытки. И в таком контексте это обязанность в силу закона. Она традиционна, подобно правилу о добросовестном пользовании своими правами, незлоупотреблении ими и т.д. Такое должностованье не может являться договорным обязательством, поскольку оно не связано с правом причинителя, позволяющим предъявить искомое требование: «Прошу обязать ответчика уменьшить своими действиями нанесенные мной убытки». Общая диспозиция нормы разъясняется путем указания частных случаев. Небрежность в виде любых действий, умножающих убытки, непринятие мер для их уменьшения, деятельность, увеличивающая потери, — все это разновидности виновности. Кроме того, есть широкий диапазон действий, порождающих собственные потери. Пример — случаи причинения вреда, возникающие при любых совместных работах, создающих и преобразующих имущество потерпевшего. Теоретики разграничивают эти составы по отдельным обязанностям имущественного толка¹⁹. Немыслимо, чтобы убытки уменьшались, если кредитор не проявил никакой вины в отношениях с должником-предпринимателем. Истец тогда будет лишен базового средства правовой защиты, к тому же универсального по своему характеру, по причине любого непредвиденного события, помешавшего уменьшить собственные убытки, причем даже тогда, когда во всех аспектах проявлена добропорядочность и действия осуществлены вовремя.

¹⁹ См.: Яблочков Т.М. Указ. соч. Т. 1.

Подчеркнем: ст. 404 ГК РФ под названием «Вина кредитора» помещена в раздел об ответственности. Тем не менее необходимо помнить, что ответственность — понятие более широкое, включающее также убытки в силу взятого на себя риска, наступившего случая, поведения третьих лиц. Но сам институт вины кредитора предполагает последствия проявления как минимум неосторожности истца и неприменим в ее отсутствие. Ошибкой будет считать также, что обязанность не усугублять убытки вытекает только из договора и деликта как главных источников обязательств. Она действительно основана на норме п. 1 ст. 10 ГК РФ о добросовестном осуществлении прав и возникает в связи с убытками при причинении вреда, нарушении договора, неосновательном обогащении, препятствии в реализации прав собственности на вещь и т.п. — вообще при нарушении любых субъективных гражданских прав (ст. 15 ГК РФ).

||| Виновность выступает необходимым, универсальным законодательным критерием уменьшения убытков.

Она в этом случае является конкретизацией *противоправности поведения потерпевшего*²⁰, который обязан среди прочего понести доступные дополнительные расходы для уменьшения произошедших и будущих потерь от несоблюдения другой стороной договорных обязательств. Судебное уменьшение убытков в связи с виной кредитора — разновидность гражданско-правовой ответственности в виде такой санкции, как поражение в правах. В связи с этим хотелось бы вспомнить некоторые экзотические прецеденты из практики британских судов, связанные с минимизацией убытков.

В деле *Payzu v. Saunders*²¹ покупатель дорогостоящего шелка отверг неправомерное требование досроч-

²⁰ Есть и другой взгляд на соотношение вины и противоправности. Так, по мнению О.А. Кузнецовой, притом что вина составляет субъективную сторону правонарушения, а противоправность — объективную, в гражданском праве эти аспекты диалектически связаны. В результате «вина растворяется в противоправном поведении и не имеет... самостоятельного значения» (Кузнецова О.А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2 (20). С. 134).

²¹ [1919] 2 KB 581. Подробнее см.: Байбак В.В. Уменьшение убытков при нарушении договора (*mitigation*). С. 74.

ной оплаты и в результате не стал обладателем предмета сделки. Больших убытков ему не присудили, так как он действовал неразумно, хотя и в соответствии с соглашением.

В деле *Hoffburger v. Ascot International Bloodstock Ltd*²² ответчик, также против договорного условия, отказался покупать скаковую лошадь. Она впоследствии заболела, и ее хозяину пришлось дополнительно потратиться на лечение. Большого возмещения он также не получил из-за непредвидимости убытков покупателем. В чем заключается неразумность истцов? В том, что один стал настаивать на принудительном исполнении контрактного обязательства по принятию предмета сделки и на истребовании покупной цены? Логика континентального судьи свелась бы к тому, что все расходы на лечение должны быть взысканы.

Можно ли из этих дел вывести аргументы в пользу принципа уменьшения размера убытков для российского права, принадлежащего к романской системе права? Очевидно, нет. Мы видим, что если расторгаются коммерческие соглашения, то английские суды предпочитают не восстанавливать изначальные договорные отношения, так как в большинстве случаев имущественные цели уже недостижимы в полной мере. Если запланированные предпринимательские операции потерпели фиаско, то разумнее сразу обратиться к финансовому эквиваленту потерь, а не к исполнению в натуре. И в таком базовом принципе много здравого смысла. Поэтому потерпевшая сторона побуждается сразу после нарушения принимать во внимание изменение обстоятельств в связи с неисполнением, не дожидаясь появления убытков. Вряд ли этот подход могут применить суды, которые в качестве приоритетного рассматривают такое средство правовой защиты, как исполнение в натуре, и следуют принципу *pacta sunt servanda*, подразумевающему связанность договорными обязательствами, за исключением непредотвратимых и непредвиденных обстоятельств.

Пожелание благое. Но если суды его реализуют в виде критерия, то оно дестимулирует субъектов использовать такое средство правовой защиты, как воз-

мещение убытков. В результате принимаются самые курьезные и деструктивные арбитражные решения. Например, постановление, обуславливающее компенсацию потерь обязанностью кредитора при непоставке заключать заменяющую сделку без правомерного выхода из основного и изначального договора²³. Сколь бы серьезным ни было его несоблюдение, выход из него, равно как и заключение заменяющей сделки, — право, но никак не обязанность кредитора. К тому же это связано с двух- или многосторонними свободными волеизъявлениями истцов и новых контрагентов. Уже поэтому такие спасительные действия не могут быть условием удовлетворения требования об убытках (и это также ответ на наш второй вопрос)²⁴.

Некоторые судебные и арбитражные решения пронизаны свойственными англосаксонскому праву предположениями о том, что должен был бы предпринять кредитор, случись у него убытки²⁵. Это в первую очередь рыночная замена дефектного исполнения во что бы то ни стало, основанная на верном ожидании объема собственных убытков и на их предвидимости. Следствием такой концепции выступает неприсуждение непредвидимых убытков. Кредитору компенсируются только те ущерб и упущенная выгода, которые он предполагал в момент заключения договора и после появления вреда.

|| Подход «обидели — помоги себе сам» фатален для исков об убытках вообще.

Отчасти поэтому такие дела редки, хотя должны быть в большинстве, так как подводят итог отношениям сторон по поводу неисполнения. Тем самым тяжущиеся подталкиваются преимущественно к заявлению требований о принудительном исполнении обязательств из договора, особенно если они неденежные. Зачастую это открывает дорогу для встречных требований и последующих исков.

²² [1976] 120 Sol Jo 130; Times. 1976. 29 Jan. (см.: *Байбак В.В.* Уменьшение убытков при нарушении договора (*mitigation*). С. 74).

²³ См., напр.: постановление АС Московского округа от 14.07.2016 № Ф05-6757/2016 по делу № А41-37010/2015. См. также: *Байбак В.В.* Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 4. С. 119–131; *Витрянский В.В.* Новеллы о договорах в сфере банковской и иной финансовой деятельности // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 3–13.

²⁴ См. также: *Байбак В.В.* Предвидимость убытков как критерий ограничения ответственности за нарушения договора.

²⁵ Подробнее см.: *Байбак В.В.* Уменьшение убытков при нарушении договора (*mitigation*).

В обстоятельствах убытков главное — это готовность кредитора к сотрудничеству и его коммуникация с должником, которому угрожает ответственность. Достаточно незамедлительно обсудить с нарушителем совместные действия и переформатирование договора, в том числе его прекращение, чтобы соблюсти стандарт добросовестности. Если должник на запросы не реагирует, считая свое поведение правомерным, кредитор не должен нести бремя последствий такого игнорирования.

Неверно, на наш взгляд, предписывать кредитору совершать именно односторонние действия по снижению потерь ввиду идеального принципа полного возмещения и недопущения обогащения. Потерпевший, конечно, должен стимулироваться, если речь идет о положительном ущербе, к мерам по его незамедлительному уменьшению, так как это явно выгоднее, чем ждать замещения в денежном эквиваленте через возможное исполнительное производство. И только если очевидные нераспорядительность, лень и небрежность увеличили убытки, взыскание должно быть снижено строго в соответствии с критериями так называемого нанесения вреда собственному имуществу и наличия связи между этими утратами и пассивностью кредитора.

В контексте нашего ответа на третий вопрос вернемся к проблеме бездействия кредитора. Есть мнение, что оно прерывает причинную связь между правонарушением и ущербом²⁶. Такой вывод юридически несостоятелен. Дело в том, что бездействие кредитора не прерывает, а создает каузальность между таким поведением и убытками, которые обычно находятся вне правового поля, поскольку причиняются они собственному имуществу.

Здесь в наивысшей степени проявляются фактологическая обусловленность убытков и взаимосвязь причины и результата. Самоповреждение вследствие отсутствия предполагаемой заботливости по отношению к своей имущественной сфере — повод отказать в возмещении полного объема возникших убытков. Причинная связь собственных действий истца с увеличением вреда или его неуминимением в этом случае даже важнее, чем применительно к наносимым чужим убыткам. Стоит отметить, что для определения степе-

ни ответственности очень важна фундаментальная категория причинной связи (возможно, даже более, чем понятие вины)²⁷. В частности, она должна быть *достаточной*²⁸.

Стороны тщательно распределяют риски между собой. Они могут перекладывать друг на друга даже последствия стихийного бедствия либо непредотвратимых обстоятельств. Освобождение от воздействия случайных, чреватых опасностями, при осуществлении законных предпринимательских операций есть основное предназначение договоров. Когда наступает вредоносное обстоятельство, кредитору не нужно нести бремя стоимости его последствий — это обязанность должника. Пострадавшему может вменяться лишь их неусугубление небрежностью, леностью и нераспорядительностью и тем более умыслом. Сюда же следует добавить пассивность в деле и отсутствие заботы о своем имуществе, особенно когда возникает опасность, чреватая ущербом.

Таким образом, игнорирование наличия и степени вины в поведении кредитора попросту сильно девальвирует и выводит из употребления такое средство правовой защиты, как возмещение убытков. Должник будет аргументировать, что кредитор мог бы работать с ним сообща, искать ликвидатора аварии самостоятельно и т.д., но не стал этого делать. Исходя из этого ответчик станет требовать уменьшения убытков на основании того, что истец сам должен нести риски увеличения вреда. Практика снижения объема ответственности в каждом случае приведет к отказу от тщетных стараний восстановить имущественный баланс через иски о компенсации ущерба.

²⁷ См., напр.: *Антимонов Б.С.* К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии ВШЭ. М., 1948; *Байбак В.В.* Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6; СПС «КонсультантПлюс»; *Евтеев В.С.* Проблема доказывания причинной связи между неисполнением договора и убытками // Законодательство. 2005. № 12; *Егоров Н.Д.* Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. 1981. № 9; *Новицкий И.Б., Лунц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950; *Петроль О.Д., Ягельницкий А.А.* Спор о взыскании убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи // Арбитражная практика для юристов. 2016. № 1; *Rümelin M.* Die Verwendung der Kausalbegriff im Straf- und Zivilrecht. Tuebingen, 1900, и т.д.

²⁸ См., напр.: *Байбак В.В.* Причинная связь как условие договорной ответственности...

²⁶ См.: *Яблочков Т.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 399.

Итак, уменьшение убытков возможно только в случае вины потерпевшего и, более того, зависит от ее интенсивности, степени и серьезности (и в этом состоит наш ответ на четвертый вопрос). Полагаем, нельзя снижать ответственность должника, если увеличение убытков было вызвано только случайными действиями кредитора. Участники оборота предпочтут исполнение обязательств в натуре как способ, более близкий к полному восстановлению.

Следует ли кредитору принимать меры по предотвращению убытков до их появления или же такая обязанность возникает позднее, когда утрата уже имеет место?²⁹ Ответ на этот вопрос содержится в самой ст. 404 ГК РФ, начинающейся со слов: «Если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон...» Законодатель ясно дает понять, что если действия между, например, моментом подписания договора и временем после того, как стороны приступили к исполнению, вызвали убытки, то они должны взыскиваться. Виновное поведение до наступления ущерба — также повод для уменьшения компенсации.

Допустим, кто-либо страдает от пренебрежительного отношения к своим обязанностям другого лица, причиняющего ему вред по договору или вне его. Получается, что этот человек должен в силу именно добросовестности, обычно выражающейся в предписанном уровне заботы о собственном имуществе, принимать меры к уменьшению убытков. Отсюда, пожалуй, следует, что истец также должен воздерживаться от требования по суду слишком больших санкций в отношении причинителя. Этот тезис приводит отчасти к абсурду, так как предполагает оказание всевозможной помощи нарушителю, который, например, умышленно покусился на чужую имущественную сферу. Иными словами, некоторые полагают, что незлоупотребление правом, добросовестность, заключается в поощрении или смягчении ответственности того, кто и есть причина несчастья и страданий обычных субъектов имущественного оборота³⁰.

Что может быть критерием или пределом обязанности лица по предотвращению убытков, или она является безграничной? Представим ситуацию умышленного причинения ущерба, связанную с явно вредоносным поведением. Серийным действиям ответчика должна быть противопоставлена оперативная деятельность по срочному устранению нарастающего урона. Например, прокалывание шин на автомобиле соседа, используемому для коммерческих перевозок, каждый раз заканчивается их починкой. Очевидно, здесь потерпевший уже не обязан идти на дополнительные расходы, не достигающие результата восстановления убытков. Итак, полагаем, что один из пределов — необязательность принятия мер, которые не дадут результата. Вторым, хотя и не столь очевидным на первый взгляд, ограничением будет являться несение последствий коммерческих рисков, взятых по договору ответчиком на себя. Должник перевозил груз, который был утрачен непредвиденно, причем доставляемые товары были задействованы в производственном процессе на предприятии истца. Если компенсация кредитору будет поставлена в зависимость от молниеносного приобретения аналогов и замены утраченного товара, то это, по сути, исполнение обязательств по договору истцом за ответчика. Наконец, обязанность лица по предотвращению убытков ограничена в случае, когда ответчик не принимает разумные предложения сотрудничать с целью уменьшения убытков. Правовое последствие такого шага должно целиком возлагаться на причинителя. В искаженном понимании рассматриваемого института обязательству кредитора по уменьшению убытков корреспондирует право ответчика требовать снижения объема ответственности в суде. Об этом в критическом смысле уже говорилось.

5. Другие вопросы, связанные с институтом вины кредитора

А. Является ли уменьшение размера ответственности за умышленное правонарушение одной из форм добросовестного ведения дел? Это рассуждение представляет собой все-таки, на наш взгляд, неудачный теоретический посыл, так как в качестве мерила при суждения способно полностью истребить принцип полного возмещения вреда. Внимание судей и арбитров будет обращено прежде всего на прошлое поведение кредитора и на выяснение того, что он мог, но не сделал для снижения потерь. Иногда невозможно доказать, что сотрудничество в условиях конфликта

²⁹ См., напр.: Агарков М.М. Указ. соч.

³⁰ См.: Витрянский В.В. Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение // Хозяйство и право. 2017. № 3. Приложение. С. 31–35, 39.

потерпело фиаско вследствие нежелания самого причинителя. Именно он в случае просрочки или плохого исполнения должен первым устранять последствия повреждения имущественной сферы кредитора и идти на контакт, а не полагаться на предполагаемую заботу потерпевшего. Если следовать этой логике, то базовая добросовестность будет проявляться только в немедленных мерах по уменьшению возможных утрат. Можно выразить соответствующее правило так: «Не способствуйте убыткам, а если они возникли, примите меры к их уменьшению». Но, по нашему мнению, принцип добросовестности воплощается не столько в стремлении оберегать собственное благосостояние в той степени, в которой это возможно за пределами судебных процедур, сколько в договорных отношениях и сохранении каузы контракта, его цели, несмотря на возникновение убытков. Такая правовая мотивация, очевидно, отпадает после расторжения сделки или выхода из нее. Кредитору остается, действуя легитимно, стремиться к сохранению имущества. Эта обязанность проистекает из восстановительной функции гражданских прав, понимаемой широко. Определение того, являлась ли пассивность потерпевшего виновной или нет, гораздо более актуально, нежели выявление абстрактной недобросовестности.

Б. Весьма важный практический вопрос: подлежит ли уменьшению также неустойка, если кредитор равным образом способствовал убыткам и не принял мер к их уменьшению? С учетом всего вышеизложенного ответим «да». Неустойка должна соотноситься с ущербом, который присудили бы в соответствии с обстоятельствами дела, а не с фактическими потерями, возникшими в результате неорганизованности пострадавшего. О ее снижении высказывался Пленум ВС РФ в Постановлении от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»³¹. Кроме того, неустойка все более утверждается как *заранее оцененные* убытки. Тем более важно, что потери, с которыми должна соизмеряться не-

устойка, не устанавливаются судом — он лишь делает умозрительную оценку их размера, полагаясь на сведения ответчика и основываясь на принципе разумности.

В. Еще одним немаловажным аспектом института вины кредитора остается конкурирование презумпций или — в узком значении — проблема инициативы суда касательно того, нужно ли уменьшать убытки по рассматриваемому критерию. С нашей точки зрения, этот сложный правовой вопрос требует судебной процедуры анализа, сопоставления и противопоставления поведения истца и ответчика. В отсутствие законодательных указаний (к примеру, нормы о третьей оговорке или о применении исковой давности, где требуется инициатива ответчика, его заявление) суд не может быть чем-либо связан и, таким образом, он *ex officio* должен решать вопрос о виновности кредитора по собственной инициативе.

Г. Одной из разновидностей обстоятельств, служащих снижению ответственности и получивших доктринальное развитие и нормативное закрепление, но не в РФ, является *предвидимость* ущерба, упущения как условие его возмещения. По сути, этот новейший институт ограничивает чрезмерную разорительность убытков, если их ожидаемый размер запределен. Цивилисты не всегда поддерживали эту идею. Например, в книге Т.М. Яблочкова содержится множество рассуждений противоположного толка³². Ученый приводил пример: если кто-то повредил знаменитому скрипачу палец и это событие прервет его доходную концертную деятельность, то причинитель должен быть присужден к полному возмещению³³. Сторонники идеи предвидимости резко возражали, поскольку это разорило бы ответчика. К тому же причинитель не может проявлять повышенную осмотрительность, поскольку для этого не было повода, знаний и информации. Это создавало бы дисбаланс последствий риска между участниками оборота и ставило бы потерпевшего в привилегированное положение в ущерб принципу стимулирования активности в коммерческих отношениях.

Вероятно, выходом в случае с договорными убытками может послужить волеизъявление будущего должника нести только представляемые, ожидаемые и предполагаемые риски, что влияет на цену сделки, поскольку

³¹ О данном решении в контексте снижения убытков и неустойки подробнее см.: *Байбак В.В.* Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства // *Закон*. 2016. № 8; *Витрянский В.В.* Судебное толкование некоторых новелл об исполнении обязательств и ответственности за их нарушение; *Рудоквас А.Д.* Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // *Вестник гражданского права*. 2017. № 2, и т.д.

³² См.: *Яблочков Т.М.* Указ. соч. Т. 1.

³³ Там же. С. 384.

потери придется нести так называемой контролирующей стороне³⁴. Знание о последствиях дает возможность «подготовки резервных способов исполнения». Но непредвидимые и неожиданные имущественные обременения, не поддающиеся просчету, могут разорить предпринимателей. Подобно непреодолимой силе, риск перекалывания последствий должен быть особым образом оговорен, без чего причинитель за него не отвечает. Сейчас наметилась тенденция к ограничению принципа полного возмещения убытков, и рассматриваемый институт зачастую интерпретируется соответствующим образом. Утверждается, что предвидимость как условие компенсации является одним из проявлений добросовестности обеих сторон, стимулирующим должника к наивысшей заботливости при исполнении сделки, а кредитора — к своевременному информированию контрагента. Вообще, концепция предвидимости потерь как неперемного условия возмещения именно договорных убытков в полном объеме заслуживает более глубокого осмысления, чем предполагают рамки настоящей статьи³⁵.

Этот институт якобы вносит поправки в действие принципа полного возмещения убытков и помогает проштрафившимся все-таки выплачивать и возмещать не полностью утраченное, а только то, что они сами ожидали, когда нарушали имущественную сферу своего контрагента. Но если внедрить и распространить принцип, что не исполняющий обещание, твердо взявший на себя обязанность покрыть риск ответчик возмещает вред, но теперь не в полной мере, то регулирование имущественного взаимодействия не улучшится.

За непредвидимостью убытков кроется лишь невозможность знания о них в случае неисполнения обязанностей вследствие — и это главное — *небрежности* кредитора, и не более того.

³⁴ См.: *Сераков В.В.* Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // *Вестник гражданского права.* 2014. № 5. Т. 14; *Байбак В.В.* Предвидимость убытков как критерий ограничения ответственности за нарушения договора.

³⁵ Подробнее см.: *Байбак В.В.* Предвидимость убытков как критерий ограничения ответственности за нарушение договора; *Сераков В.В.* Критерий предвидимости убытков. Извлечения из решений избранных арбитражей и судов по вопросу применения критерия предвидимости убытков в контексте ст. 74 Венской конвенции 1980 г.: Часть первая // *Вестник международного коммерческого арбитража.* 2013. № 1, и т.д.

Иными словами, непредвидимость — всего лишь правовой повод освободиться от опасностей, которые не только не подпадают под действие договора, но и не могут быть предотвращены ожидаемыми разумными действиями. Но *единственным условием освобождения от убытков запрашиваемого размера является как раз вина кредитора, чаще всего в виде умысла, намеренного замалчивания истинных имущественных последствий неисполнения договора или непринятия мер по ликвидации вреда имуществу или здоровью.* Предвидимость убытков — это инструмент против злоупотребления судебным присуждением и пассивности потерпевшего в случаях, когда могли быть приняты превентивные меры против возникшего вследствие рисков либо нераспорядительности и расстройтва хозяйственных связей.

В ст. 74 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. и ст. 7.4.4 Принципов международных коммерческих договоров (далее — Принципы УНИДРУА) говорится о предвидимости убытков при неисполнении именно контрактных обязательств. Ведь предвидимость есть представление о возлагаемых рисках. Для применения этого института по крайней мере легкая небрежность кредитора должна быть причиной возникновения излишнего обременения должника. Не предполагая этого, ответчик оказывается не готов к возмещению. Согласно вышеназванным документам предвидимость должна иметь место непосредственно в момент заключения сделки, а не позднее. Следовательно, в ходе исполнения договора она покрывается виной кредитора, его пассивностью, отсутствием заботливости и стремления обеспечивать достижение целей своего контрагента. Непредвидимость, трактуемая исключительно узко, есть *проявление вины кредитора не только во время, но и до совершения контракта.* Она не может относиться к эпизодам умышленного причинения ущерба. При таких составах отсутствует всякий фактор риска и неожиданных опасностей³⁶.

В вышеназванной статье Венской конвенции, в отличие от Принципов УНИДРУА, нет уточнения о том,

³⁶ Как справедливо отметил В.А. Ойгензихт, риск — не полный эквивалент случайности, он существует как опасность и вероятность потерь, убытков, вреда и при неосмотрительности, небрежности, незаботливости по отношению к своим обязанностям (см.: *Ойгензихт В.А.* Проблема «риска» в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 62–83).

что умышленное неисполнение договора лишает причинителя права ссылаться на невозможность предугадать убытки. Отсюда следует, что и при намеренном игнорировании обязательств непредполагаемые потери все-таки возмещаемы в полной мере. Последний вывод нуждается в пояснении. Венская конвенция устанавливает принципы международной купли-продажи движимых материальных вещей, а не осуществляет всеобъемлющее регулирование соответствующих договоров. К регламентируемой сфере субсидиарно применяется национальное законодательство, в том числе с регулированием о непредвиденности в силу коллизионной нормы самой Конвенции.

Необходимо отметить, что упомянутая доктрина, по сути, попала в международные документы из прецедентов английского права. Мы не находим ей места в нашей правовой системе, тем более с учетом особенностей национального судопроизводства, когда для полного либо частичного отказа в иске используется любой повод. Вина кредитора, не будучи заключенной в строгие рамки, также обречена на деструктивную роль фактора отказа в правосудии.

References

Agarkov, M.M. “The Victim’s Fault in Liability for Harm” [*Vina poterpevshego v obyazatel’stvakh iz prichineniya vreda*]. Soviet State and Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1940. No. 3. P. 70–79.

Antimonov, B.S. “The Concept and Importance of Causation in Civil Law” [*K voprosu o ponyatii i znachenii prichinnoy svyazi v grazhdanskom prave*]. Research Session Papers, All-Union Legal Sciences Institute [*Trudy nauchnoy sessii VIYuN*]. Moscow, 1948. P. 62–79.

Antimonov, B.S. The Victim’s Fault in Tort [*Znachenie viny poterpevshego pri grazhdanskom pravonarushenii*]. Moscow, 1950. 275 p.

Baybak V.V. “Minimizing Losses Related to Contract Breach (Mitigation)” [*Umen’shenie ubytkov pri narushenii dogovora (mitigation)*]. Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2012. No. 7. P. 65–80.

Baybak, V.V. “Causal Connection as Condition for Contractual Liability: Comparison and Adjudication” [*Prichinnaya svyaz’ kak uslovie dogovornoy otvetstvennosti: sravnitel’no-pravovoy ocherk*]. Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2014. No. 6. P. 4–12.

Baybak, V.V. “Damages under Terminated Contract and the Fault of the Creditor” [*Vozmeshchenie ubytkov pri prekrashchenii dogovora i vina kreditora*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 119–131.

Baybak, V.V. “New Wording of the Article 393 of Russian Civil Code: General Rules on Compensation for Losses Incurred by Breach of an Obligation” [*Novaya redaktsiya st. 393 GK RF: obshchie pravila o vozmeshchenii ubytkov, prichinennykh narusheniem obyazatel’sтва*]. Statute [*Zakon*]. 2016. No. 8. P. 121–130.

Baybak, V.V. “The Foreseeability of Losses as a Limitation of Liability for Breach of Contract” [*Predvidimost’ ubytkov kak kriteriy ogranicheniya otvetstvennosti za narusheniya dogovora*]. Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation [*Vestnik VAS RF*]. 2009. No. 5. P. 54–69.

Egorov, N.D. “Causation as a Requirement for Legal Liability” [*Prichinnaya svyaz’ kak uslovie yuridicheskoy otvetstvennosti*]. Soviet State and Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1981. No. 9. P. 126–131.

Evteev, V.S. “Problems with a Proof of Causation between Non-Performance and Losses” [*Problema dokazyvaniya prichinnoy svyazi mezhdru neispolneniem dogovora i ubytkami*]. Legislation [*Zakonodatel’stvo*]. 2005. No. 12. P. 15–25.

Ioffe, O.S. and Shargorodskiy, M.D. Issues in Legal Theory [*Voprosy teorii prava*]. Moscow, 1961. 381 p.

Kantorovich, Ya.A. Fundamental Ideas of Civil Law [*Osnovnye idei grazhdanskogo prava*]. Kharkov, 1928. 310 p.

Karapetov, A.G. Suspending Obligations to Protect Creditors’ Rights [*Priostanovlenie ispolneniya obyazatel’sтва kak sposob zashchity prav kreditora*]. Moscow, 2011. 239 p.

Kuznetsova, O.A. “Correlation between the Illegality, Guilt and Force Majeure through the Example of the Agricul-

tural Producer Liability” [*Sootnoshenie protivopravnosti, viny i nepreodolimoy sily na primere otvetstvennosti sel'khozproizvoditelya*]. Perm University Herald. Legal Sciences [*Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*]. 2013. No. 2. P. 127–139.

L'vova, M.N. Creditor's Fault in Breach of Obligations between Socialistic Organisations [*Vina kreditora pri narushenii obyazatel'stv mezhdru sotsialisticheskimi organizatsiyami: avtoref. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk*]. Moscow, 1971. 27 p.

Novitskiy, I.B. and Lunts, L.A. The General Doctrine of Obligations [*Obshcheye uchenie ob obyazatel'stve*]. Moscow, 1950. 416 p.

Oygenzikht, V.A. The “Risk” Problem in Civil Law [*Problema “riska” v grazhdanskom prave*]. Dushanbe, 1972. 225 p.

Petrol, O.D. and Yagel'nitskiy, A.A. “Damage Dispute. Courts Changing Their Approach to Causation” [*Spor o vyzskanii ubytkov. Kak menyaetsya podkhod sudov k prichinno-sledstvennoy svyazi*]. Arbitrazh Litigation for Lawyers [*Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*]. 2016. No. 1. P. 26–34.

Rudokvas, A.D. “Some Problems of Application of the Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation Due to the Principle of Good Faith” [*Nekotorye problemy primeneniya st. 431.2 GK RF v svyazi s printsipom dobrosovestnosti*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2017. No. 2. P. 31–47.

Rümelin, M. Die Verwendung der Kausalbegriff im Straf- und Civilrecht. Tuebingen, 1900.

Ryasentsev, V.A. “Some Case Law Questions Relating to General Part of Law of Obligations” [*Nekotorye voprosy obshchey chasti obyazatel'stvennogo prava v sudebnoy praktike*]. Socialist Legality [*Sotsialisticheskaya zakonost'*]. 1951. No. 10. P. 27–40.

Sadikov, O.N. Damages in Russian Civil Law [*Ubytki v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii*]. Moscow, 2009. 221 p.

Serakov, V.V. “The Criterion of Foreseeability of Damages. Extracts from Selected Arbitral Awards and Court

Decisions on the Application of the Criterion of Foreseeability of Damages under Art. 74 of the 1980 Vienna Convention” [*Kriteriy predvidimosti ubytkov. Izvlecheniya iz resheniy izbrannykh arbitrazhey i sudov po voprosu primeneniya kriteriya predvidimosti ubytkov v kontekste st. 74 Venskoy konventsii 1980 g.: Chast' pervaya*]. International Commercial Arbitration Review [*Vestnik mezhdunarodno-go kommercheskogo arbitrazha*]. 2013. No. 1. P. 149–173.

Serakov, V.V. “The Theory of Adequate Causation as a Manner of Limitation of Damages” [*Teoriya adekvatnoy prichinnosti kak sposob ogranicheniya razmera prichinnykh ubytkov*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2014. Vol. 14. No. 5. P. 233–252.

Slyusarenko, M. “The Concept of Creditor's and Debtor's Fault in Obligations in Civil Law” [*O ponyatii nalichiya viny kreditora i dolzhnika v obyazatel'stve v grazhdanskom prave*]. Lawyer [*Yurist*]. 2001. No. 6. P. 32–35.

Sobchak, A.A. “On Some Contentious Issues in the General Theory of Legal Liability” [*O nekotorykh spornykh voprosakh obshchey teorii pravovoy otvetstvennosti*]. Jurisprudence [*Pravovedenie*]. 1968. No. 1. P. 49–57.

Vitryanskiy, V.V. “Judicial Interpretation of Some Novelities in Performance of Obligations and Liability for Breach” [*Sudebnoe tolkovanie nekotorykh novell ob ispolnenii obyazatel'stv i otvetstvennosti za ikh narushenie*]. Business and Law. Appendix [*Khozyaystvo i pravo*]. 2017. No. 3. Prilozhenie.

Vitryanskiy, V.V. “Novels of Contracts in Banking and Other Financial Activities” [*Novelly o dogovorakh v sfere bankovskoy i inoy finansovoy deyatel'nosti*]. Business and Law [*Khozyaystvo i pravo*]. 2017. No. 12. P. 3–13.

Yablochkov, T.M. Victim's Fault as a Factor for Damage Award [*Vliyaniye viny poterpevshego na razmer vozmeshchaemykh emu ubytkov. T. 1*]. Yaroslavl', 1910.

Information about the author

Yuri E. Monastyrsky

Founding Partner of “Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners”, Co-founder of “The Grateful Alumni Fund of International Law Faculty of MGIMO”, PhD in Law (e-mail: monastyrsky@mzs.ru).